

Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов)

Людмила Николаевна Хаховская,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан.
E-mail: hahovskaya@mail.ru

В статье рассмотрены два сюжета, которые характеризуют этнонимические процессы у эвенов и камчадалов. Придерживаясь конструктивистского подхода, автор исследует тенденции функционирования этнических имён. Данный подход вскрывает политическую и социальную подоплёку группового имянаречения, его обусловленность конкретным событийным контекстом. Показано: круг этнонимов любой этнической общности разнообразен и изменчив, что отражает сложность структуры этноса и путей его формирования. Статус любого этнонимического термина является пограничным, поскольку этноним реализуется в коммуникационных потоках между референтным этносом и его окружением. В досоветское время у камчадалов не мог появиться общий этноним, так как этому препятствовали два фактора: внутреннее деление на микрогруппировки и государственная политика сословной дифференциации. Напротив, советская национальная политика привела к номенклатурному объединению камчадалов и присвоению им общего этнического наименования. Этнонимические коллизии, происходившие у эвенов, выявляют такие же закономерности. Микроэтнические термины, циркулирующие внутри этноса, являются источниками макроэтнонимов, которые получает этнос в целом. Однако процесс актуализации микроэтнонимов зависит не от самого этноса, а от его окружения. В историографии и дискурсе нового времени известны четыре основных макроэтнонима: тунгус, ороч, эвен и ламут. В советское время их смена происходила в острой конкурентной борьбе между агентами имянаречения — политиками, администраторами, деятелями науки. Автор делает вывод о конвенциональном статусе этнонимии, а также о дискурсивной природе механизмов обретения этнических имён.

Ключевые слова: этнонимы, конструктивизм, этногенез, эвены, камчадалы, государственная политика, межэтнические взаимодействия, коммуникационные потоки.

**Ethnonymic Processes of Aborigines of the North-East of Russia
(Case Study of the Evens and Kamchadals).**

Liudmila Khakhovskaya, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo, FEB RAS, Magadan, Russia. E-mail: hahovskaya@mail.ru.

The article describes two plots that characterize ethnonymic processes of the Evens and Kamchadals. Following a constructivist approach, the author analyses the tendencies of functioning of ethnic names. Such approach reveals political and social background of group naming and its conditionality to a particular eventful context. The article shows that the ethnonym range of any ethnic community is diverse and changeable that reflects the complexity of the ethnos structure and its formation. The status of any ethnonymic term is borderline since an ethnonym is realized in communicational flows between referential ethnos and its environment. In pre-Soviet times, the Kamchadals could not get one common ethnonym due to two factors: internal division into micro-groups and public policy of class differentiation. On the contrary, the Soviet model of national policy led to nomenclative unification of the Kamchadals and emergence of a common ethnic name. Ethnonymic collisions of the Evens reveal the same patterns. Micro-ethnic terms circulating within ethnos become the sources of macro-ethnonyms which ethnos gets altogether. However, the process of micro-ethnonyms depends not on the ethnos itself but on the environment. There are four main macro-ethnonyms in the historiography and discourse of modern times: Tungus, Oroch, Even and Lamut. In Soviet times, the interchange of these ethnonyms passed in a bitter struggle between the agents of naming: politicians, managers, scientists. The author makes a conclusion about the conventional status of ethnonymy and discourse nature of the mechanisms of ethnic names.

Keywords: ethnonyms, constructivism, ethnogenesis, Evens, Kamchadals, public policy, interethnic interaction, communication flows.

Этнонимические исследования относятся к разряду малопопулярных тем в современной отечественной этнологии (социокультурной антропологии). Этнонимикон, хотя и признаётся ценным историческим и языковым материалом, в большей степени используется в лингвистических, нежели антропологических работах. Связано это с отсутствием у антропологов единодушия по проблемам этногенеза, источников и движущих сил этнообразования. Этнические процессы признаются частью общесоциального потока, но их специфика сущностно не локализована ни в онтологическом, ни в когнитивном плане. Классификационно-терминологически этнонимика¹ до настоящего времени различает самоназвания народов (автоэтнонимы), которым противопоставляются имена,

¹ Этнонимика — раздел ономастики, изучающий происхождение и функционирование этнонимов (названий этнических общностей).

полученные от соседей (аллоэтнонимы). Также выделяются макроэтнонимы — названия достаточно крупных этнических общностей — и микроэтнонимы, обозначающие небольшие группы. Кроме того, прослеживается связь этнонимов с другим классом ономастикона — топонимами, — причём эта соотнесённость может быть и прямой (имя народа произошло от названия местности), и обратной [18; 19].

В советское время, когда господствовала теория этноса, считалось, что самоназвание венчает ход формирования народа, так как является индикатором группового самосознания, показателем его зрелости и устойчивости. Обретение самоназвания проблематизировалось слабо, поэтому создавалось впечатление естественности и бесконфликтности этого процесса. Однако современная политическая и социальная жизнь показала, что вокруг названий и самоназваний этнических групп разворачиваются острые споры, а происхождение, этимология и семантика этнонимов сложны и неоднозначны и являются продуктами неоднократных предшествующих трансформаций, переосмыслений и манипуляций. Сюжет, предложенный для обсуждения А.Ф. Старцевым в данном выпуске, в полной мере отражает эту открывшуюся под новым углом зрения ситуацию. «Репертуар» названий этнической общности ороков предстаёт в многообразии и изменчивости, и эта мозаичность, безусловно, отражает сложность структуры и путей формирования этноса [12].

По нашему мнению, для анализа этнонимических сюжетов в настоящее время более продуктивен конструктивистский подход, который вскрывает политическую и социальную подоплёку группового имянаречения, его обусловленность конкретным событийным контекстом. Такого рода эпистемологический релятивизм оправдан тем, что, насколько нам известно, в антропологии не выработаны какие-либо закономерности, характеризующие этот обязательный для всех культурно-отличительных групп процесс.

Конструктивистский подход к этнологическим явлениям получил широкое распространение в последние десятилетия, однако в российском научном дискурсе продолжает преобладать эссенциалистская установка. Исследуя историю ряда этнических групп, мы одни из первых выявили конвенциональный и конкурентный статус процессов, ведущих к закреплению в обиходе того или иного этнического имени. Историография данной темы обширна. Не имея возможности сколько-нибудь подробно привести её здесь, отсылаем читателей к своим предыдущим работам [15; 17].

В представленной статье мы попытаемся углубить и обобщить наше понимание некоторых устойчивых тенденций присвоения этнических имён, рассмотрев для примера положение с этнонимами, обозначающими эвенов и камчадалов². В качестве рабочего мы принимаем определение

² Под камчадалами здесь подразумевается группа, сложившаяся на территории современной Магаданской области. Ретроспективный характер прослеживания её истоков актуализирует временные и территориальные границы, вследствие чего в историографии группу принято называть камчадалами Магаданской области [15; 7, с. 247—261].

этнонима как вербального знака, служащего средством репрезентации группы перед лицом «другого». Отсюда видно, что этноним рождается на границе: в самом деле, группа не нуждается в общем названии, если не соприкасается с субъектом, находящимся за её пределами. В целом мы исходим из положения о принципиальной незамкнутости этноидентификационных процессов, выраженных в появлении и закреплении этнических имён. Речь идёт о том, что указанный процесс по меньшей мере не односторонний. Напротив, пограничный статус этнонима реализуется в различных модусах и на разных уровнях, поскольку разворачивается в дифференциальных коммуникационных потоках между референтным этносом и его окружением.

Прежде всего, как нам кажется, следует осторожно подходить к противопоставлению наименований внешних и внутренних (авто- и аллоэтнонимов), поскольку этническая история различных групп говорит скорее о приоритете внешнего фактора в их закреплении. Для иллюстрации данного положения обратимся к камчадалам. Изначально они формировались из «осколков» этносов, в XVIII—XIX вв. контактировавших в северо-восточной части Охотского побережья. В состав камчадалов вошли русские переселенцы различного сословного статуса (казаки, мещане, крестьяне, духовенство) и части аборигенных этносов — так называемые пешие тунгусы, оседлые коряки, эвены (тунгусы) и якуты. Вследствие пёстрой исходной этнической и сословной номенклатуры у группы отсутствовало общее наименование, обозначались лишь отдельные её составляющие, у которых отмечались территориальная и этническая/сословная принадлежность или поведенческая особенность.

Весьма значимым оказалось восприятие себя и своих соседей по названию поселения. Так возникли географические апеллятивы, выраженные в форме отымённых прилагательных: ольские, арманские, ямские, тауйские, гижигинские. Наиболее выраженным локальным самосознанием отличались жители Гижиги, что было связано с достаточно высоким положением населённого пункта, который некоторое время был административным центром и уездным городом. Обитатели таких городов «в силу традиции стали смотреть на себя как на настоящих горожан» [11, с. 214]. Достоверно судить о внутреннем или внешнем характере происхождения указанных терминов трудно. Возможно, традицию использования их в качестве самоназваний сформировали и устойчиво поддерживали официальные учреждения, в особенности Русская православная церковь, в записях которой обязательно имелось указание на территориальную локализацию прихожан.

В качестве этнически окрашенных определителей в обиходе местных жителей использовались и другие яркие поведенческие или фенотипические особенности их соседей. Так, жителей с. Ямск нередко именовали «ямские-мухоморники» (потомки коряков, употреблявших сушёные мухоморы), с. Армань — «арманские-непёски» (искажённое «лепёшки», т.е. плосколицые), с. Ола — «ольские-наризухи» (искажённое «наряжухи»,

т.е. франты, щёголи) [15, с. 226—262]. Русские переселенцы также давали местным жителям меткие характеристики, связанные с их культурными чертами. Например, называли «охотские-кочемазники», потому что те охотно ели кочемаз — тощую осеннюю кету с «белым» мясом, которую приезжие считали невкусной [15, с. 226—262].

Приведённый набор местных имён камчадалов можно (с известной степенью условности) определить как микроэтнонимы, т.е. обозначения мелких частей более крупной этнической группы. Очевидно, что такого рода самоназвания далеко не всегда имели внутреннее происхождение, поскольку часто фиксировали те особенности, которые подмечает именно внешний взгляд. Существенным оказывается и то, что выявленный микроэтнонимический разнобой был результатом не только самосознания и различения друг друга соседствующими группами, но и государственного принципа сословной дифференциации, при которой потомки русских переселенцев учитывались по сословию, а аборигенов — как инородцы, хотя и те, и другие являлись метисами, появившимися в результате этнически смешанных браков. Для административных органов актуальной также была тематизация территориальной принадлежности и образа жизни. Поэтому в официальных документах фигурировали наименования «тауйский якут», «тауйский инородец», «ямской коряка», «арманский оседлый тунгус», «ольский сидячий тунгус» [15, с. 239]. В целом поддерживаемые государством этнические и сословные границы препятствовали формированию единого самосознания метисированных жителей и консервировали этнонимическую архаику.

Государственная политика кардинально меняется с приходом советской власти: сословия упраздняются, а этнодифференцирующий принцип как инструмент социальной инженерии снимает прежние барьеры и создаёт новые. В это время культурные и антропологические отличия местных метисов от вновь прибывавших в регион русскоязычных переселенцев стали так очевидны, что возникла необходимость, с одной стороны, разграничить аборигенов-кочевников и оседлых метисов, а с другой — отделить последних от всё возраставшей массы приезжих.

В результате к концу 1920-х гг. произошла унификация прежней пёстрой терминологии в пользу единого этнонима «камчадалы». В статистических сведениях появилась специальная строка для тех, кто им обозначался, — всех оседлых жителей метисного происхождения. Следовательно, в досоветское время камчадалы в этнонимическом отношении были противопоставлявшими себя друг другу микрогруппировками, поэтому общий этноним не мог возникнуть в недрах этого сообщества. Такое стало возможным лишь в результате национальной политики СССР по масштабному преобразованию жизни и культуры северных аборигенов. Именно изменившийся взгляд извне, со стороны доминирующего социума, позволил увидеть в первую очередь не различия, а схожесть и отвести камчадалам отдельную ячейку в этнической номенклатуре. Условием появления

объединительного термина стал сдвиг в самой ситуации контакта, при этом решающую роль сыграл внешний фактор, нашедший, в свою очередь, отклик у самой референтной группы, поскольку камчадалы охотно приняли внешний этноним [16, с. 180—181].

Однако этнонимический сдвиг у камчадалов достаточно прозрачен, так как эти события, по историческим меркам, происходили совсем недавно. Гораздо сложнее обстоит дело с более крупными и «старыми» этносами, какими являются и рассматриваемые А.Ф. Старцевым ороки. Проследить здесь связь между языковыми явлениями и внеязыковым миром подчас крайне проблематично, настолько она динамична и неочевидна. Функционирующие в языке этнические наименования отражают присущую северным регионам этническую и культурную мозаичность. Её следствие — этнонимические параллелизмы, дрейфы и контаминации, достаточно часто влекущие за собой разрыв связей имён собственных с изначально обозначаемыми ими реалиями [3].

Рассмотрим некоторые этнонимические коллизии на примере эпизодов из истории эвенов. Структура любого сформировавшегося этноса, и эвены не исключение, при ближайшем рассмотрении оказывается состоящей из множества мелких группировок, различающихся по территориальным, культурным и иным характеристикам. Каждая из этих группировок имеет коллективное имя, происходящее от названия местности, типа хозяйства, имени главы микрогруппы и т.д. Например, такого рода наименования зафиксировала У.Г. Попова у эвенов Магаданской области [10, с. 6—8]. Это многообразие микроэтнических терминов, циркулирующих внутри этнического сообщества, и является потенциальным источником макроэтнонимов, которые в конечном счёте получает этнос в целом. Но данный процесс весьма сложен: то, какие микроэтнонимы из их мозаичного калейдоскопа будут актуализированы, зависит не от самого этноса, а от его окружения.

Микроэтнонимы, хотя и рождаются в глубине этноса, не существуют в неизменном виде, а подвергаются постоянной трансформации, поскольку обращаются в разнородных потоках коммуникаций с другими этническими и культурными сообществами. Условно можно представить этнос как некую объёмную геометрическую фигуру со множеством граней и плоскостей, которыми он соприкасается с разными соседями. Со стороны последних идентичность нашего условного этноса конституируется как некий результирующий образ, приписываемый референтному сообществу в качестве атрибута группности. Одним из таких атрибутов является этническое имя.

Как нам представляется, именно в итоге описанных контактов многочисленные микроэтнонимы проходят сито отбора и в обращении оказывается более узкий круг терминов, претендующих на обозначение этноса в целом. Соответственно, мы исходим из того, что этноидентификационные процессы протекают с участием не менее двух сторон (называемой

и называющей), также при имянаречении может быть и посредник, явный или скрытый. Определяющую роль в обретении этнического имени играет называющая сторона, ведь из множества наименований микрогрупп, входящих в состав этноса, выбирается одно, самое приемлемое для внешнего контактного сообщества.

По отношению к эвенам в историографии и историческом дискурсе актуальными оказались четыре основных этнонима: тунгус, ороч, эвен и ламут, что в своё время отметил В.А. Туголуков в статье под красноречивым заголовком «Народ один — названий много» [14]. Существенно, что в разные исторические периоды доминирующим оказывался тот или иной из перечисленных терминов, а к настоящему времени на первый план вышло наименование «эвен», которое до начала 1930-х гг. было не известно основной массе этноса. Динамика смены этнонимов убеждает, что оформление этнической номенклатуры протекает в острой конкурентной борьбе между агентами имянаречения, имеющими определённые властные полномочия. В роли таких агентов выступают политики, администраторы, деятели науки, в том числе этнографы. Как убедительно показал А.В. Головнёв, профессиональные этнографы «занимались не только теорией, но и практикой этногенеза», в особенности в раннесоветский период [4, с. 6].

Действительно, до образования СССР эвены официально числились тунгусами. Исследователи полагают, что данный термин русские восприняли от якутов [6, с. 135; 13, с. 204—208]. Вследствие продвижения землепроходцев в восточном направлении этноним «тунгус» получил чрезвычайно широкое распространение, так как обозначал не только эвенов, но и современных эвенков. Другими словами, в то время русские не проводили номенклатурного разграничения этих двух близкородственных этносов, а рассматривали их как общность.

Преимущество официального дискурса в части использования термина «тунгус» по отношению к кочевым и оседлым эвенам прослеживается и в первоначальный период СССР. Статистически тунгусов учитывают местные органы советской власти, тунгусская идентичность находит применение в административном строительстве (на Охотском побережье выделяется Гижигинско-Тунгусский район). Тунгусский статус кочевых эвенов прослеживается вплоть до начала 1930-х гг. Однако существенным сдвигом в этнонимической картине Северо-Восточного Приохотья становится появление в документах термина «ороч» (мн. число — «орочелы»), который некоторое время сосуществовал с этнонимом «тунгус». Так, первый съезд Советов Северо-Эвенского района, проходивший 19—26 августа 1932 г. в с. Наяхан, назван орочельским, при этом и представители советской администрации, и коренные жители параллельно использовали оба этнонима [17, с. 69].

Этноним «ороч» также был широко распространён на Дальнем Востоке, но характер его ареала иной, нежели у этнонима «тунгус». Если

последний фиксировался на обширной территории и обозначал большие этнические объединения, то первый проявлялся как бы пунктирно, применялся к отдельным группировкам на далеко отстоящих друг от друга местностях. Судя по всему, изначально это было микроэтнонимическое обозначение. Документально установлено, что в XVII в. так называлась одна из группировок тауйских тунгусов [5, с. 538]. Однако к концу XIX — началу XX в. орочами уже называют себя разные дальневосточные территориальные группы, термин становится самоназванием довольно значительного по численности формирования эвенов северо-восточной части Охотского побережья, носителей ольского говора [10, с. 5].

Совершенно справедливо, на наш взгляд, исследователи связывают «островное» распространение этнонима «ороч» с расселением тауйских орочелов по всему Дальнему Востоку [12, с. 77—86]. Отсюда видно, что механизм возникновения этнонимов состоит в трансформации языковых феноменов — конкретных коллективных имён. Начав свою жизнь, групповое имя может быть заимствовано, перенесено, навязано другим коллективам. Происходит это в ситуации взаимодействий с контактными группами, когда соседи должны договариваться о взаимных «установочных данных». Достаточно часто обстоятельства складываются таким образом, что информацию об этнонимах называющая сторона получает через посредников, которые в силу этого становились если не авторами, то соавторами этнических имён. В итоге термины, даже считающиеся самоназваниями, на самом деле являются «продуктом творчества» взаимодействующих сторон. Аутентичность же этнонимам придаёт временной фактор: постепенно подразумеваемая естественность происхождения названия «изнутри» народа заслоняет дискурсивный, договорной характер его обретения.

Достаточно резкая смена этнонимии произошла у эвенов в первоначальные советские десятилетия. Ни тунгусскую, ни орочельскую идентичность эвенов национальная политика новой власти не поддержала. Логика оформления этнической номенклатуры для тунгусоязычных народов была такова, что создавала среди них «целую плеяду народов: нанайцы, негидальцы, нивхи, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи» [4, с. 6]. Отдельная ячейка потребовалась и для эвенов, и это обстоятельство повлекло за собой стремление избежать путаницы и отказаться от распространённых этнонимов в пользу малоизвестного. Выбор «специализированного» термина состоялся далеко не сразу, вначале советская администрация переименовала данный тунгусоязычный народ в ламутов, а затем — в эвенов.

Исследователи в целом отрицают аутентичность термина «ламут» и считают, что он был не самоназванием эвенов, а внешним этнонимом, данным соседями, который, к тому же, обозначал и отдельные группы будущих эвенков [8, с. 12; 10, с. 5, 15]. Практика использования термина «ламут» в качестве этновыделительного имела в досоветской историко-

графии и административной практике: с его помощью пытались разделить две ветви восточных тунгусов (эвенков и эвенов). Однако этот опыт не был доведён до логического завершения. Так, в переписи 1987 г. эвены проходят и как ламуты, и как тунгусы («тунгусы собственно») [17].

В начальный советский период этноним «ламут» как особое определение для части эвенов применялся очень активно. В первой советской переписи 1926 г. и Приполярной переписи 1926—1927 гг. ламуты выделены отдельной строкой [17, с. 71]. Профессиональные этнографы в то время также пользовались данным термином, который, по-видимому, был выбран в научной среде в качестве наиболее оптимального, несмотря на то, что фиксируемая реальность часто расходилась с принятой установкой. Именно поэтому в целом ряде этнографических работ обнаруживаются разночтения между «живыми» и «научными» этнонимами. Так, Е.П. Орлова назвала свою статью «Ламуты полуострова Камчатки», хотя и отметила, что самоназвание исследуемой группы было «орочел» [9]. В.Г. Богораз говорит о группе с самоназванием «euwel» как о ламутах [2]. Подобный разрыв между наличной этнонимией (именами, ставшими к этому времени аутентичными) и этнографическим дискурсом свидетельствует, что этнографы были «вооружены» термином «ламут» ещё до начала своих научных исследований среди аборигенов. Однако, несмотря на включённость в историографию, этноним «ламут» вытесняется этнонимом «эвен».

Параллелизмы в бытовании этнонимов придают процессу наименования контекст конкурентности. В первые советские годы ясно обнаруживается соперничество «ламутской» и «эвенской» линий. Непоследовательность в применении термина «ламут» как в научном дискурсе, так и в административной практике, по-видимому, стала основным фактором, повлиявшим на решение органов власти отказаться от него в пользу нового этнического имени, не имевшего подобного «груза прошлого». Следует также обратить внимание на мнение У.Г. Поповой, которая видела ситуативность и внешнюю обусловленность выбора: поскольку первые мероприятия по советскому национальному строительству среди «восточных тунгусов» (эвенов) начались с Охотского района Хабаровского края, термин «эвен», характерный для этой местности, и был избран для наименования этнической общности в целом [10, с. 6].

Таким образом, процесс переименовывания тунгусов, орочей и ламутов в эвенов получил серьёзную поддержку власти и стал лингвистической основой административно-территориальных преобразований. В 1926 г. на территории современной Магаданской области был образован Северо-Эвенский район; в 1928 г. — принято решение о строительстве Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы. Постановлением правительства от 10 декабря 1930 г. создаётся Охотский (Эвенский) национальный округ, обычно называемый Охотско-Эвенским. Вместе с тем эта смена этнического имени не была равномерной и бесконфликтной. На территории Северо-Востока имелась, по крайней мере, одна «островная» территория, характер политической власти которой препятствовал переименованию.

Речь идёт об Охотско-Колымском крае, который в 1932—1957 гг. входил в зону деятельности треста «Дальстрой»³.

Трест обладал значительной хозяйственной и даже политической самостоятельностью, поэтому местная власть в своей практической деятельности могла до известной степени игнорировать административные предписания об этническом переименовании и руководствоваться собственными сведениями, собираемыми среди тунгусоязычного населения, которое именовало себя орочами. Поэтому данный этноним в статистических и иных источниках выдвигается на первый план: носители ольского говора Охотско-Колымского округа вплоть до 1950-х гг. в местных источниках обозначаются как орочи. Таким образом, на протяжении более двух десятков лет в конкурентных отношениях находились этнонимы «ороч» и «эвен», поскольку в указанный период ведущей оказалась административная практика «Дальстроя», которая шла вразрез с повсеместным внедрением термина «эвен».

Однако после ликвидации «Дальстроя» общая ситуация выравнивается. В 1960—1970-х гг. органы власти осуществили массовый переход тунгусоязычного населения Магаданской области на использование этнонима «эвен», подкреплённый тем, что в личные документы аборигенов теперь вписывалась эта узаконенная национальность. Усвоение нового этнического имени облегчалось и вступлением во взрослую жизнь новых поколений, для которых оно было уже не столь чуждо благодаря развитию средств массовой коммуникации и всеобщего образования.

Подводя итог, мы приходим к выводу о конвенциональном статусе этнонимии, дискурсивной природе источников и механизмов обретения этнических имён, что ставит под сомнение правомерность проведения сколь угодно жёстких границ между авто- и аллоэтнонимами. Как полагает автор, данный вывод, основанный на материалах по двум этническим группам, может иметь общеприменимый характер. Например, наши положения поддержаны учёными, исследующими происхождение этнонима «анты» [1]. Действительно, синхронный срез, как правило, выявляет достаточно разнообразную номенклатуру наименований любого народа. Эта избыточность терминологии является следствием взаимодействий этнической группы с различными контактными сообществами. Динамика этнонимии также сопряжена с межэтническими подвижками, поскольку этнические имена «прокладывают» себе дорогу в условиях сложных миграционных и коммуникационных потоков, а также конкурентных взаимоотношений агентов имянаречения. Этнонимы претерпевают языковые и внеязыковые трансформации: меняется их звучание и написание, ареал распространения, референция. Выход на первый план определённого этнонима является следствием «победы» той называющей стороны, которая в конкретной ситуации обладает несколько большими, чем другие участники процесса, полномочиями, прямо или косвенно связанными с институтами власти.

³ В 1938 г. трест получил название «Главное Управление строительства Дальнего Севера „Дальстрой“». Он являлся специализированной государственной политической и хозяйственной организацией, которая осуществила освоение Северо-Востока СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М.В. Грацианскому) // Византийский временник. 2014. Т. 73. № 98. С. 251—263.
2. Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л.: АН СССР, 1931. С. 1—106.
3. Бурькин А.А. Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII—XIX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. 536 с.
4. Головнёв А.В. Устойчивость и изменчивость культур Севера // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2011. № 1 (70). С. 3—10.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 621 с.
6. Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX — начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 129—145.
7. Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. 773 с.
8. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. М.; Л.: АН СССР, 1960. 263 с.
9. Орлова Е.П. Ламуты полуострова Камчатки // Советский Север. 1930. № 5. С. 39—48.
10. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М.: Наука, 1981. 304 с.
11. Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.
12. Старцев А.Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.
13. Туголуков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы: сб. ст. М.: Наука, 1970. С. 204—217.
14. Туголуков В.А. Народ один — названий много // Советская этнография. 1970. № 5. С. 132—137.
15. Хаховская Л.Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.
16. Хаховская Л.Н. Рец. на: Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. 773 с. // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 180—183.
17. Хаховская Л.Н. Эвены Магаданской области: к проблеме этнонимии // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 68—75.
18. Этнография имён. М.: Наука, 1971. 263 с.
19. Этнонимы: сб. ст. М.: Наука, 1970. 271 с.

REFERENCES

1. Anikin A.E., Ivanov S.A. Antskaia problema kak predmet etimologii i etnoistorii (vozrazhenie M.V. Gratsianskomu) [The Problem of the Ants as a Subject of Etymology and Ethnohistory (Objection to M.V. Gratsianskiy)]. *Vizantiiskii vremennik*, 2014, vol. 73, no. 98, pp. 251—263. (In Russ.)
2. Bogoraz V.G. Materialy po lamutskomu yazyku [Materials about the Lamut Language]. *Tungusskii sbornik* [Tungusic Collection]. Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1931, pp. 1—106. (In Russ.)

3. Burykin A.A. *Imena sobstvennyye kak istoricheskii istochnik: po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii XVII—XIX vv.* [Proper Nouns as a Historical Source: Based on Materials of Russian Documents on the Discovery and Development of Siberia and the Far East of Russia in the 17th—19th Centuries]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2013, 536 p. (In Russ.)
4. Golovnyov A.V. Ustoichivost i izmenchivost kultur Severa [Stability and Changeability of Northern Cultures]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, 2011, no. 1 (70), pp. 3—10. (In Russ.)
5. Dolgikh B.O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [The Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1960, 621 p. (In Russ.)
6. Missonova L.I., Sokolova Z.P. Fenomen ustoichivosti etnicheskoi identifikatsii ujltu v kontekste etnonimicheskoi istorii narodov Severa (konets XIX — nachalo XXI v.) [The Phenomenon of Stability of the Uilta Ethnic Identity in the Context of Ethnonymic History of the Peoples of the North (the End of the 19th Century — the Early 21st Century)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 1, pp. 129—145. (In Russ.)
7. *Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-East of Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 773 p. (In Russ.)
8. Novikova K.A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskii govor* [Essays on the Dialects of the Even Language. The Olsky Dialect]. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1960, 263 p. (In Russ.)
9. Orlova E.P. Lamuty poluostrova Kamchatki [The Lamuts of the Kamchatka Peninsula]. *Sovetskii Sever*, 1930, no. 5, pp. 39—48. (In Russ.)
10. Popova U.G. *Eveny Magadanskoj oblasti* [The Evens of the Magadan Region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 304 p. (In Russ.)
11. Safronov F.G. *Russkie na Severo-Vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.* [Russians in the Northeast Asia in the 17th Century — the Middle of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 258 p. (In Russ.)
12. Startcev A.F. *Oroki — orochyony, a ne ujltu! K probleme etnogeneza orokov Sakhalina* [Oroks is Orochens, not Uilta! On the Problem of Ethnogenesis of the Oroks of Sakhalin]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2015, 163 p. (In Russ.)
13. Tugolukov V.A. Glavneishie etnonimy tungusov (evenkov i evenov) [The Main Ethnonyms of the Tungus (the Evenks and the Evens)]. *Etnonimy: sb. st.* [Ethnonyms. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 204—217. (In Russ.)
14. Tugolukov V.A. *Narod odin — nazvanii mnogo* [One Nation, Many Names]. *Sovetskaja etnografiia*, 1970, no. 5, pp. 132—137. (In Russ.)
15. Khakhovskaya L.N. *Kamchadaly Magadanskoj oblasti (istoriia, kultura, identifikatsiia)* [The Kamchadals of the Magadan Region (History, Culture, Identification)]. Magadan, NEISRI FEB RAS Publ., 2003, 325 p. (In Russ.)
16. Khakhovskaya L.N. *Recenziia na: Narody Severo-Vostoka Sibiri*. M.: Nauka, 2010. 773 s. [A Review of “Peoples of the North-East of Siberia”. Moscow: Nauka, 2010. 773 p.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 2, pp. 180—183. (In Russ.)
17. Khakhovskaya L.N. *Eveny Magadanskoj oblasti: k probleme etnonimii* [The Evens of the Magadan Region: the Issue of Ethnonymy]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, no. 2, pp. 68—75. (In Russ.)
18. *Etnografiia imen* [Ethnography of Names]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 263 p. (In Russ.)
19. *Etnonimy: sb. st.* [Ethnonyms: Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 271 p. (In Russ.)